

Бурастан Зулумян

ТЕМА КНИГИ И СЛОВА И ВОПРОСЫ
КОМПОЗИЦИОННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В ПОЭМЕ
ГРИГОРА НАРЕКАЦИ «КНИГА СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ»

Ключевые слова: *Нарекаци, «Книга скорбных песнопений», трехчастная композиция, Слово, Свет, человек, Бог*

Творчество великого армянского поэта Григора Нарекаци (X в.) — его духовные песни и поэма «Книга скорбных песнопений» — вершина национальной литературы. Все больше и больше армянский поэт и богослов переводится на другие языки и покоряет сердца иноязычных читателей. В 2015 году Нарекаци был признан Учителем Вселенской церкви со стороны Римской католической церкви.

Жанр «Книги» с трудом поддается однозначному определению. В разное время она характеризовалась как сборник покаянных молитв, исповедь, в новое время — поэма. На протяжении всего текста произведения мы обнаружим множество определений, которые сам Нарекаци дает своему творению: «Эта заповедь новая — книга скорбных песнопений» (3, 35)¹, «книга расположенных в порядке плачей», «по этой книге будут молиться», благодаря ей «родятся из глубин сокровенных стенания», «плод души», и в конце концов — это «книга-исповедь». В последней ипостаси она восходит к основополагающим в этом жанре «Исповеди» святого Аврелия Августина и псалмам Давида, часто упоминаемым в тексте Нарекаци. В основе такого рода произведений лежит *диалогизм*, введенный в концептуальный оборот в качестве философской категории ещё Сократом; он нашёл своё продолжение в средневековом жанре — разговорах с Богом, где исповедальность — обязательное условие². Подобный диалог Я с Я, Я с Богом (вернее, монолог-диалог) лежит в основе плачей и

¹ Критический текст подготовили известные нарекациведы Погос Хачатрян и Аршалуйс Казинян // **Нарекаци Григор**. Книга скорбных песнопений / Подготовка текста, предисловие и комментарии П. М. Хачатряна и А. А. Казиняна. — Ереван, 1985. (На древнеарм. яз.). Полный научный перевод с древнеармянского осуществили М. Дарбинян-Меликян и Л. Ханларян // **Нарекаци Григор**. Книга скорбных песнопений / Перевод с древнеармянского и комментариев М. О. Дарбинян-Меликян и Л. А. Ханларян. Вступительная статья С. С. Аверинцева. — М., 1988. В тексте мы будем ссылаться на это издание. В скобках нумерация глав и частей.

² Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. — М., 1995. — с. 15-84.

покаянных молитв, занимающих особое место в системе духовного уклада того времени. Блестящим примером такого диалога является «Слово к Богу из глубин сердца» (так озаглавлена каждая глава «Книги»), однако Нарекаци вышел далеко за рамки жанра, вместив в свой диалог макрокосм человеческой жизни. «Книга» подобна средневековой иконе, вовлекающей зрителя в своё пространство посредством обратной перспективы: она стирает внешнюю телесность, концентрируется на духовных сущностях, лишена каких-либо внешних реалий, отсылок к конкретным ситуациям, тем более — сюжета. Поэма лишена привычного повествовательного, эпического механизма построения текста. Архитектоника огромного ее массива абстрактно отвлеченного содержания нуждалась в поэтических основаниях, чтоб не превратиться в монотонный трудновоспринимаемый словесный поток (таковы в основном богословские трактаты). И такой основой «Книги» выступили поэтическая символика и метафорика. Чтобы осуществить сложную задачу «плетения» рисунка внутреннего разговора, размышления нужно было выявить онтологические первоосновы, *концепты-символы* при помощи которых автор смог отобразить глубинные сущности.

О чём мог говорить поэт наедине с собой? Какие темы, образы, идеи смог воплотить на протяжении 95 глав? О себе и обо всех, о человеческих пороках, грехах, страстях, заблуждениях, о необходимости стать лучше, чище, совершеннее. Попытка понять имманентные слои шедевра Нарекаци, пути и средства достижения ее суггестивной силы на читателя, приводит к необходимости осмысления «Книги...», ориентированной на идеальные сущности в комплексе, как содержательной, так и поэтологических аспектов, и вопрос о целостности произведения в этом контексте один из ключевых³.

В универсуме «Книги» исследователи чаще всего выделяют две генеральные линии: это тема греховности — несовершенства человека и выступающая с ней в единстве тема покаяния и духовного становления, а на другом полюсе — сфера Божественного. Не менее важное значение в структуре произведения имеют темы Ветхого и Нового Заветов, Церкви, Поэта и вдохновения, Книги — «нерукотворного» памятника, и очень важная линия *сомнения и двойственной природы человека*, развивающаяся от начала до конца повествования. Они мозаично сплетаются и создают многомерное и целостное пространство поэтического произведения: все линии, когда человек преображенный покаянием и верой, сливается с Богом-Светом.

³ Проблеме единства «Книги» с обзором литературы по теме посвящена статья отца Левона Зекияна. См.: П.-Л Зекиян. К проблеме единства «Книги скорбных песнопений» // Григор Нарекаци и духовная культура Средневековья. Москва, 2010 г., с. 44-51.

Однако выдвигались предположения, что это собрание отдельных глав, написанных в разное время, а некоторые и вовсе не созданы Нарекаци, вставлены позже т.д. Однако внимательное прочтение произведения обнаруживает четкую трехчастную структуру произведения.

Поэт ясно осознал композицию произведения и выстраивал его. И подтверждение этому мы находим в самом тексте «Книги».

Произведение целостно по строению: все части объединены идеей восхождения к Богу и слияния с ним, темой и кульминацией. Именно стремление к целостности позволило автору довести большое бессюжетное произведение до заключительного аккорда – катарсиса. Но не только содержательная сторона обуславливает единство «Книги», но и ее композиционная структура.

В предисловии мы видим, что творение Нарекаци – некий отклик на существующий духовный запрос: «Книга скорбных песнопений, сотворённая в ответ / На прошения отцов-отшельников и множества пустынножителей», и в то же время – ясное и пространное формулирование целей, задач: «О самопорицании», «О выявлении сокровенного», «Лекарство могучее».

Нарекаци был одним из образованнейших людей своего времени, хорошо знакомым с правилами риторики, сама «Книга» демонстрирует блестящее владение искусством написания такого рода текстов.

Автор обозначает вехи в развитии содержания. После краткого предисловия, первая часть начинается непосредственно с темы греха – основного содержательного аспекта поэмы, но уже в 3-ей главе композиционно оформляется начало повествования, посвящённое целиком поэтике слова. Это своего рода *предтропье*, где правилами риторики предписывалось изложить цели и задачи повествования (по тем же правилам созданы труды Агатангелоса, Корюна). Нарекаци даёт указания и пояснения по поводу того, как он будет писать, какие художественные задачи решает и посредством чего достигает высоких духовных целей. «Я разъясню в дальнейших моих речах» – говорит он, почему же он пишет для всех и для чего: «малую молитву мою / Сделаешь причиной спасения великого» (3, 1). Объясняет он и композицию – «Эта книга расположенных в порядке плачей» (3, 4), характер, жанр написанного – молитва, плач, «молитвенное завещание» (9, 1), то, как они написаны, особо подчёркивая их соразмерность – «жалостные соразмерные плачи» (5, 4), порядок – «В мерном порядке располагая их и завершая» (26, 2).

От внешних аспектов Нарекаци переходит к определениям внутреннего свойства своего слова (речи): «Раскалённое железо слов моих», «Сие творение моё Богопоклонное, как плод души моей» (33, 1), «Я – книга живая, в коей

собраны / Внутри и снаружи плач, горе и стоны <...>Жалуясь на многие лады, горя по-разному» (39, 2-3); назначению – «Сей книги-исповеди, чтоб оно воодушевило многих» (33, 1).

А в конечном итоге посредством этих молитвенных песнопений Нарекаци стремится «воздвигнуть здание веры». Для достижения этой цели привлекаются все доступные ему поэтические средства – метафоры, эпитеты, гиперболы, анафоры, звукопись. Вся поражающая воображение поэтическая ткань произведения служит одной цели – полнее раскрыть содержание, эмоционально и мыслительно воздействовать на читателя.

Пройдя почти четверть повествования, он вновь обращает внимание читателя на звучание своей речи, что он «изменяет лад речей», но не суть: «Беды, из коих в предыдущих главах / Отображена лишь толика [малая], / Посему изменится лад речей, но не оплакивание напастей моих» (25, 1). В первых же строках 26-й главы поэт и вовсе разворачивает целую теорию создания подобного рода творений:

*Днесь я поистине встал во главе сонма
Собравшихся на торжество печальное,
Тех, кто поёт плачевные песни-плачи,с
Тех, кто с гласом рыданий соразмеряет слова,
Завершая буквой одной все строфы,
Дабы сильнее щемили они, бередили боль сердца скорбящего <...>*
(26, 1)

В этом отрывке выпукло выступает образ автора, дистанцированного от текста и осознающего себя как творца. Он – «во главе сонма» поэтов, которые могут воздействовать на читателя не только тем, что они говорят, но и тем, как они это делают, «соизмеряя слова», «завершая одной буквой все строфы», полагая, что это способствует более сильному эмоциональному воздействию. Поэту ведомы эти ухищрения, он знает их суггестивную силу.

Особое значение поэт придавал организации и звучанию стиха (не случайно его молитвы считались целебными, читались у изголовья больных). Глубоко проникая в суть поэтического творчества, Нарекаци подчёркивает, что «иносказательно» продолжает своё повествование, «укоры душе моей осуждённой», даёт уже чисто стихотворческие пояснения: «По-прежнему непрестанно усугубляя их, (то есть стихи. – Б.С. / Располагая и представляя // опять в тех же образах и тем же размером» (22, 1). То есть аллитерацию и рифму средневековый поэт рассматривает как средство эмоционального воздействия на слушателя.

Полиметрическая структура стихотворного текста Нарекаци тяготеет в основном к пятисложнику – размеру армянского национального стиха айрена (буквально – «армянского»). Нерифмованный стих, как замечено⁴, более чётко ритмизован в частях, связанных с темой покаяния, – молитвах, а так называемые «комментарии» ритмизованы слабее, подчас и вовсе переходят на вольный стих. Рифма применялась в армянской духовной поэзии и Нарекаци владеет этим искусством, блестяще применяя ее в своих духовных песнях. Однако в «Книге» он избирает другой принцип организации текста, без рифмы. Вся поэма инструментована богатейшей звукописью, и это обстоятельство привлекает особое внимание: считается, что Нарекаци первый применил аллитерацию в качестве самостоятельного средства поэтической выразительности⁵ – «Се есть слог, подобающий скорбным писаниям, / Кои кажутся вдвое жалостнее, / Поелику страдания изображаются / Через связанные определённой буквой созвучия» (26, 1). Многие строфы оформлены посредством начальной анафоры с мастерской виртуозностью.

В другом месте поэт упреждает опасности, могущие возникнуть в ходе повествования: «Но дабы повторения мои не превратились в многословие» (30, 2), «И, переведа, как нравится мне, на иной лад моления / Этой книги скорбных песнопений» (33, 1), «И дабы не наскучить замедленной речью, я постараюсь здесь её сократить» (61, 2).

Автор посредством размышлений о слове четко обозначает второй круг повествования, а затем и третий, завершающий.

Вторая часть композиционно начинается с 33-й, и 34-й глав: здесь Нарекаци однозначно указывает на то, что он **вторично** начинает свой разговор с Богом:

*Буду снова повторять те же молитвы, пока свет веры не проявится
дивным свершением своим, благовествовать [буду] вторично я мир.*
(33, 4)

*Те, о коих я прежде сказал,
Их вторично [Тебе] хочу показать.
Представ с письменным разъяснением
Пред собравшимися толпами племён
И с толкованиями для народов.*

(34, 1)

⁴ Папаян Р. А. Древнеармянский стих. Опыт реконструкции // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982, с. 190-194.

⁵ Մլրջան Մ., Երկեր 2 հատորով, Հ. 1, Երևան, 1982, էջ 434-527. (Мкрян М. Труды. В двух томах. Том 1. Ереван. 1982. – с. 434-527).

*Я себя – золотые скрижали вещи,
Заветам Твоим посвящённые,
Перстом Божиим начертанные, –
Сам вымарал, вернее же, разбил их,
И написать стараюсь ныне **второе** подобие их
Печальными красками. (Выделено мной.- Б.З.)*

(34, 8)

К концу произведения Нарекаци начинается **третий**, завершающий круг, что так же маркируется автором: неоднократно отмечается, что повествование приближается к завершению: «Ибо, коли я присовокуплю к первым [стихам] последующие, / Ещё тяжелее станут недуги мои и умножатся горести» (60, 2), а далее удостоверяется: «Днесь, поелику я **подошёл к завершению** / Скромного завещания – [книги] скорбных песнопений» (87, 1).

Таким образом, Нарекаци расставляет вехи в своём творении, сознательно отмечая её структурные блоки, поэтому трёхчастная форма вычленяется самим автором и органично вытекает из движения внутренних содержательных потоков.

Важная в семантическом и идейном плане линия **Слова** окаймляет всё повествование: Обозначив каждую главу одним лишь названием – «Слово к Богу из глубин сердца» – поэт фокусирует внимание на самых значимых понятиях: Бог, Слово и Сердце. И здесь нужно уточнить важный нюанс, имеющий концептуальное значение. В армянском языке предлог ընդ имеет два значения: направление – «к», и соединение, между – «с». Также и խոսք (слово) имеет значения и слова, и разговора, беседы. М. Дарбинян и Л. Ханланрян на русский язык перевели: «Слово к Богу из глубин сердца». В этом случае отражена вертикаль: Бог – Человек, что точнее и ближе средневековому миропониманию. В. Геворкян же на современный армянский язык перевёл: «Разговор (слово) с Богом»⁶. Здесь – горизонталь, когда возможна беседа с Богом (этот перевод естественен и приемлем для армянских церковников). В некоторых местах поэмы Нарекаци прямо говорит, что он вступает в разговор с Богом (4, 1), с учетом этого нюанса значительно иной представляется «картина мира», и наличие в «Книге...» такого смысла ещё более расширяет её духовные границы.

Слово, понимаемое Нарекаци как символ, синоним Бога, становится одним из главных действующих лиц поэмы, проводником человека к Божественному

⁶ Գրիգոր Նարեկացի, Մալյան նորերգության, Թարգմանեց՝ Գևորգյան Վ., Երևան, 1979. (Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Перевод на современный армянский язык В. Геворкяна. Ереван, 1979).

Логосу. Дар слова Нарекаци – от Бога: «Тобой внушено мне написать сие» (74, 3). Нарушая канонизированные стихотворные формы церковных песнопений, он наполняет свои произведения выражением индивидуальных переживаний, страстью, призванной пронзить сердце читателя, который приобщается к «словесной жертве», молится и кается вместе с поэтом.

И в начале почти каждой главы звучит тема Слова, раскрываемая через упоминание самой же книги, творимой Нарекаци, – своеобразный зачин, вновь и вновь обозначающий сакральное вхождение в повествование, скрепляющий его. Она пронизывает всю «Книгу» от начала до конца.

Остовом, скрепляющим всё поэтическое совершенство произведения, является его образный язык. В подборе метафор, сравнений, антитез, гипербол Нарекаци не знает себе равных, в перечислениях искусство слова Нарекаци беспредельно. Перечисления для Нарекаци не столько риторические фигуры, украшения, «роскошь узора», сколько способ обрести истину. Он говорит, что перечислил не напрасно «описанные виды прегрешений, / Не определив даже сущности тех заблуждений, / Что кружат в нашем естестве» (6, 3). Это не его изобретение, а «константа всей средневековой литературы в целом», однако виртуозность, с которой Нарекаци разворачивает словесные каскады, облачённые в стихотворную форму, действительно великолепна. Поэт, подобно средневековому каменотёсу, в бесконечной вязи орнамента добивался единого согласованного рисунка, обнимая необъятное, во всей полноте раскрывал тему. Его антитезы предопределены антиномичностью христианского мировидения.

Трехчастная структура просматривается не только композиционно, линейно по горизонтали, как это мы показали выше, но и по вертикали, но уже в содержательном плане. Это замечено исследователями и поэтому чаще всего «Книга» сравнивается с храмом: притвор (греховность), храм (молитва, покаяние) и купол (бог). К.Свасьян сравнивает греховность с преисподней. В этом аспекте можно вычленить некую архаическую структуру, подобную строению мира (мировому древу) – низший, средний и высший. Но теперь это уже и структура души человека. При изображении греховности человека Нарекаци прибегает ко всем возможным средствам и образам, вызывающим содрогание и отвращение у читателя. Это низший мир, ниже уровня земли, мир низших тварей.

Для Нарекаци на пути создания целостного образа человека нет запретных тем и уровней, он проникает в самые глубинные слои: от самого низменного до возвышенного.

При изображении нравственного падения, безысходности Нарекаци привлекает лексику, сравнения, вызывающие чувство отвращения, крайнего негативизма. Он говорит, что нужно «выжечь гной, / Скопившийся в моих

смертельных ранах, / Раскаленным железом слов моих / Или, с отвращением засунув палец [в гортань] и вызвав тем рвоту, / Отрыгнуть бремя скопившихся в сердце недугов» (6, 1), «И, подобно снедающему раку, / Распространился недуг на все члены мои» (18, 3), «Непреборимый лекарствами жар [жжет] обе почки мои, / Едкая горечь желчи подступила к вратам гортани моей, / Вопли отчаяния с силой звучат в глубинах моего горла» (26, 3). Нагнетание отрицательного ряда порой, кажется, выходит за пределы допустимых средств изображения, демонстрируя вовлеченность падшего человека в низшие сферы:

*Сами собою возникают и плодятся в чреве
Копшашщиеся разные тонкие черви,
Глисты, украдкой нутро сосущие,
Гниды гадкие и какие-то скопища
Из пота возникших, гнусных, жалящих,
Порождающих жжение и зуд [насекомых].*
(69, 2)

Подполье сознания полно кишаших низменных страстей, человек без нравственного закона в душе поглощается ими.

Поэт и философ, Нарекаци уже в X в. описывает страдания, постигающие человека за грехи, не через внешние события, а видит ад в душе человеческой, круг за кругом проводя её всё ниже, ниже уровня земли.

Выразителен образ колодца, в котором оказывается грешник. В абсолютной темноте, в глубокой яме, дно которой кишит гадами, и кажется, что человека ждет смерть, остается одно – поднять голову и увидеть небо, ощутить присутствие Бога, который никогда не оставляет человека. И тогда возможно медленное возрождение.

Для изображения падшего человека образом-знаком становится образ человека-скота. Путь становления человека труден, мучителен, он не понимает, где добро и где зло: «Ибо, подобно бездумному стаду скота, / Мы умираем, но не ужасаемся, / Погибаем, но не удивляемся, / Бываем погребены, но не смиряемся, / Бываем отлучены, но не тревожимся, / Поддаёмся соблазнам, но не каемся» (Нарекаци 55, 3). Истина в словах Христа: «Я есмь путь». Жизнь без Христа лишена смысла и безысходна, в ней нет пути к нравственному совершенствованию.

Серединный уровень, это уровень человека раскаявшегося, молящегося и уповающего на прощение. В центре противостоящих миров – человек, связующее звено между низом и верхом, средоточие сил. В душе человека заключено всё самое низменное, но и самое возвышенное.

Если вначале тема Слова несёт ознакомительный, «поэтологический» характер, то в середине намечается переход к духовным сущностям, а к концу нарастает драматическое звучание и выявляются глубинные смыслы, один из которых – тема словесного памятника. Мажорно возносясь ввысь, она потрясает мощью эмоционального и мыслительного накала – «Помещу я памятник укоризны себе» (61, 3), «Я оставляю читателям это завещание», «И книга эта вместо моего тела, и это слово вместо моей души» (54, 4). Но цель Нарекаци – не слава, все усилия души он направляет на то, чтобы умолить Бога спасти души людей. Сила слова, облечённая в поэтическую форму, гармонию, «созвучность», должна помочь ему в достижении этой цели.

Нарекаци осознаёт себя поэтом, и хотя неоднократно смиренно говорит, что он «последний из сочинителей и младший среди наставников», однако, понимая силу воздействия и ценность своего творения, он называет его «дивным». Как Гораций и впоследствии Пушкин, Нарекаци уверен, что переживёт себя в своём нерукотворном памятнике:

*Пусть будут навеки памятником мне
Неистребимо высеченные заветы сии.
И будут они, не переставая, за меня, бедного,
За душу смертную немолчно звучать,
Горестным плачем, не переставая, вечно вопиять.*

(66,1)

Однако в минуту отчаяния, человек в поэме Нарекаци, иссякнув от словесного самобичевания, словно мёртвый:

*Речь умолкшая, руки связаны, члены расслаблены,
Печать на устах, и вежды сомкнуты.*

(73, 2)

Слова Нарекаци вызывают ассоциации с пушкинским «Пророком», в котором использованы мотивы книги пророка Исайи. Пушкин как нельзя более точно отразил состояние безжизненности, бездуховности человека: «Как труп в пустыне я лежал». Только Божественное присутствие способно вдохнуть жизнь и одарить вдохновением: «И Бога глас ко мне воззвал: / Восстань, пророк».

Нарекаци называет себя «золотыми скрижалями», «начертанными перстами Божьими», он взывает к Богу:

*Всемощного слова твоего молния
Да возжигает язык мой <...>*

(20, 2)

Божественное слово призвано служить людям, «глаголом жечь», очищать, возвышать до образа Бога. Без Света в душе человек не может преодолеть свою земную природу. Слово поэта – ответ Божественного Логоса, поэтому его усилия направлены на создание максимально выразительного словесного «узора», преследующее высокую цель – хотя бы отдалённо приблизиться к мистическим сущностям.

В послесловии к «Книге» он пишет, что «зложил основы, соорудил, воздвиг на них и сочинил эту полезную книгу, соединив созвездие глав в единое дивное творение». Поэт понимал значимость сотворённого им произведения и то, какие задачи перед собой он ставил. Вокруг Божественной и человеческой сфер выстраивается все неисчерпаемое тематическое богатство «Книги». Воплощение этих тем требовало категориального аппарата. Тема Божественного воплощалась в основном через символику Света, апофатическое и катафатическое раскрытие Божественного образа. Тема человека порождала множество образов, сравнений, символов. Для раскрытия греховной природы человека Нарекаци прибегает к символике низшего мира, посредством основного знака-символа **человека-скота**, противопоставленного его богоподобному образу человека, наделенному **разумом**. Тема Света, Бога и слияния человека с ним, знаменует высший уровень в содержательном и композиционном строении «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци в соответствии с пониманием божественной организации мира и души человека.

ՄԱՏՅԱՆԻ ՈՒ ԽՈՍՔԻ ԹԵՄԱՆ ԵՎ ԳՐԻԳՈՐ ՆԱՐԵԿԱՑՈՒ
«ՄԱՏՅԱՆ ՈՂԲԵՐԳՈՒԹՅԱՆ» ՊՈՆԵՄԻ ԿԱՌՈՒՑՎԱԾՔԻ
ՄԻԱՄՆԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԵՐԸ

Ամփոփում

Բանայի բառեր՝ Նարեկացի, Մատյանն ողբերգության, եռամաս կառուցվածք, խոսք, Լույս, մարդ, Աստված

Հայ գրականության գլուխգործոցը՝ Գրիգոր Նարեկացու «Մատյանն ողբերգությանը», բարդ, բազմաշերտ ստեղծագործություն է՝ բաղկացած 95 գլխից: Վերլուծվում են կոթողի ժանրային ու կառուցվածքային յուրահատկությունները, նաև որոշ վիճելի հարցեր: Կարծիք կա, որ Մատյանը կազմված է տարբեր ժամանակ գրված անջատ մասերից, իսկ նրանցից մի քանիսի հեղինակը Նարեկացին չէ:

Ուշադիր ընթերցումը բացահայտում է Մատյանի եռամաս կառուցվածքը, յուրաքանչյուր մասի սկիզբը ընդգծում է ինքը՝ Մատյանի հեղինակը: Ժամանակին այս առանձնահատկությունը նկատել է Ժ.-Պ. Մահեն:

3-րդ գլխում՝ նախաբանից և մեղքերի թվարկումից հետո, հեղինակը նշում է պոեմի կոմպոզիցիոն սկիզբը՝ նվիրված Խոսքի ու Մատյանի թեմային: Դա նախերգանք է, որը հռետորական կանոններով պետք է շարադրի պատումի նպատակն ու խնդիրները:

Երկրորդ մասը սկիզբ է առնում 33, 34-րդ գլուխներից. հեղինակն ասում է, որ ինքը երկրորդ անգամ է սկսում իր խոսքը մեղքերի մասին, իսկ երրորդ մասում՝ 60-րդ և նաև 87-րդ գլուխներում, շեշտվում է, որ ավարտի է գալիս խոստովանությունը: Ընդ որում ամեն մասը սկսվում է Խոսքի ու Մատյանի թեմայից՝ նույնպես մատնանշելով այդ երեք մասերը:

Burastan Zulumyan

THE THEME OF THE BOOK AND WORD IN THE BOOK
OF LAMENTATIONS BY GRIGOR NAREKATSI AND QUESTIONS
OF UNITE OF THE WORK

Summary

Key words: *Grigor Narekatsi, Book compositional features, the three-part composition*

The Book of Lamentations by Grigor Narekatsi (10th century) is a masterpiece of Armenian literature, a complex, multi-level work consisting of 95 chapters. The article analyzes the genre, compositional features of the work and issues of its integrity, as there are controversial issues. It is believed that the “Book” consists of scattered chapters written at different times and some were not written by Narekatsi at all. A careful reading reveals the three-part composition of the “Book”: it is singled out by the author himself; at one time this feature of the “Book” was noticed by J.-P. Maye.

After the introduction and recounting of sins the third chapter 3 denotes the compositional beginning of the work, and it is entirely devoted to the poetics of Word and Book. This is a kind of preface, where the rules of rhetoric prescribed to state the goals and objectives of the narration.

The second part begins with chapters 33 and 34 where the author says that the conversation about his sins starts a second time, and in the third part, in chapter 60, as well as in chapter 87, it is emphasized that he is completing his confession. Moreover, each part begins with the theme of Word, Book, which also marks these circles of ascent from repentance to mergence with God-Light.